

Александра Михайлина

FREEDOM

37 моментов нашего
лета

Александра Михайлина

37 моментов нашего лета

<https://litres.ru/74274557>

SelfPub; 2026

Аннотация

Самое обыкновенное лето никогда не бывает обыкновенным. Независимо от возраста и места жительства каждый год мы ждем его. Эта история не только про теплые летние дни, но она точно про то, что ты вспоминаешь холодными зимними вечерами.

Содержание

Глава 1. Не по плану.	4
Глава 2. А куда мы?	9
Глава 3. Не скучай, родная.	18
Глава 4. Давай с нами.	25
Глава 5. Кто это?	32
Глава 6. Давай попробуем по плану.	40
Глава 7. Куда идёт дорога.	48
Глава 8. Штурмовики печенья.	58
Глава 9. Лаки Страйк.	67
Глава 10. Злая пенсия.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александра Михайлина

37 моментов нашего лета

Глава 1. Не по плану.

— Не поеду я туда!

— Поедешь, я сказала, нечего целое лето терять в душном городе, шататься без дела!

Громкие крики раздавались в большой городской квартире, как гудки кораблей в океане.

— Я уже друзьям пообещала, что мы всё лето будем гулять.

— У тебя нет друзей. Они тебе никто. Ни-кто. — По слогам отчеканила мама.

— Тебе-то откуда знать, ты с ними виделась всего пару раз. Тем более то, что у тебя нет друзей, не означает, что со мной никто дружить не хочет!

— Ты для них бес-по-лез-на, — отчеканила мама, — одумайся.

— По себе людей не судят! — крикнула девушка в ответ и, развернувшись, как болид на повороте, влетела в свою комнату, хлопнув дверью.

«Вот не хотела же дверью хлопать, зачем так сильно? Ой, сейчас ещё сильнее огребу. Ехать к этой бабушке слишком

долго и далеко. Там ни интернета, да и друзей там нет, там вообще никого нет у меня, давно уже никто не ждёт».

Грустные мысли поглощали всё сильнее, а из-за двери тем временем мама, не выдержав хлопка дверью, объявила приговор.

— Ты едешь к бабушке! И это утверждение. Бесповоротно. Собирай вещи. Билет давно куплен!

Выезд послезавтра вечером. Утром забираешь всё, что оставила в университете, рюкзак на плечи и до встречи!

«Последний гвоздь в крышку гроба».

Оглядев комнату, оформленную в идеальных белых тонах, завёрнутую с лучшей дизайнерской мебелью и видом из окна на облагороженный парковый массив рядом со станцией метро «Фрунзенская», сердце невольно сжалось от мысли, что придется покинуть свой тёплый дом почти на всё лето, оставив друзей и родных здесь, в джунглях яркого, шумного города, где лето точно обещало быть запоминающимся, и залечь на дно в жизни тихого посёлка в Республике Коми.

Там, где о ней давно никто не вспоминал.

—

— Прекрати копаться в моём телефоне, это уже неприлично.

— Мне не стыдно, сама разрешила. О, ну-ка, заметки.

— Захар, хватит, отдай, — парень бесцеремонно рылся в приложении, очень широко улыбаясь.

— Да-да, только вот это посмотрю и отдам.

«ПЛАНЫ НА ЛЕТО

1) **ВЫЯСНИТЬ**, сколько у нас предметов будет в следующем году.

2) купить тетради на кольцах и на пружине.

3) купить постановление пленума верховного суда.

4) взять учебники по уп и упп в библиотеке.

5) сдать в библиотеку хрестоматии по игпзс и игпр.

6) решить вопрос с холодильником.

7) написать две статьи по бухучету.»

— Ну и скучные же у тебя планы на лето...

— У тебя планы получше?

— Ну, теперь у меня в планах, как минимум, развеселить твое лето, — ухмыляясь, добавил парень.

— Звучит заманчиво, но ничего не выйдет. Я не останусь.

— Как?

— Вот так, рюкзак на плечи и до встречи, к бабушке, зачем мне здесь оставаться. Мама сказала, что ее решение бесповоротно.

— Ясно, — грустно выдохнул Захар, — но планов своих я не меняю, значит, буду веселить твое лето как получится.

— Посмотрим, что у тебя получится, дядя, между нами будет больше тысячи километров, — и улыбнулась.

— Посмотрим, — улыбается, — меня ведь это никогда не останавливало.

Такой искренний интерес в свою сторону не мог не радо-

вать. Наконец-то появился человек, который по достоинству оценил и ее чувство юмора, и доброту, и иногда не поддающееся объяснению поведение, резкие перепады настроения, припадки грусти и вспышки агрессии или яростного смеха. Он вроде бы видел в ней то, чего другие не замечали, видел, что она особенная.

Они познакомились в начале года, когда Захар перешёл к ним в группу прямо посередине зимней сессии. Красивые серо-зеленые глаза, темно-русые волосы, улыбка с клыками. Он сразу завладел не только вниманием одногруппниц, но и бесспорным уважением, можно даже сказать, почитанием у однокурсников. И как он это делал, оставалось только гадать.

— Ну что тогда, давай хотя бы до дома провожу.

==

— Туман опустился на нашу неприступную крепость.

— Доброе утро, деда, — сонно ответила деду, который, к слову, был как всегда бодр и собран и пил свой утренний кофе, опираясь на крыльцо, — кошмар, ну и туманище, а мы с Аней планировали съездить на велосипедах в поля, и как теперь ехать, — сокрушалась внучка Анатолия Евгеньевича.

— Ну и что, — с искренностью поднял брови, — езжайте так, еды возьмите и дождевики, вдруг снова дождь. Оденьтесь потеплее. Трещотку от зверей не забудь.

— Ла-адно, — протянула она в ответ, — пойду тоже, что ли, кофе выпью. У тебя самого как дела, рано встал?

— Да нет, не очень рано, на почту только съездил. Там история такая.

И он начал свой рассказ.

— Я посылку сюда отправлял, а ее в другую деревню увезли, я ее поехал в районный центр искать. Сломая голову на машине понёсся, представляешь, приезжаю, говорят, вашу посылку по ошибке в Печепашню увезли, можете сами съездить забрать. А там груз хрупкий, панели для магнитофонов. С ними внимательно нужно. — Дед манерно закатил глаза за толстыми линзами фотохромных очков и сделал ещё глоток своего чёрного горького кофе. — Так вот. Приезжаю я туда. В этакую даль. И, представляешь, вот надо же, ее увезли в наше отделение почты, поселковое. Ну, делать нечего, я к нам, а тут завал. Два часа искали. Нашли. Потрёпанная, грязная, помятая. Но это коробка, слава богу, пластины — порядок. Но полдня потеряно. — Подытожил мужчина, улыбнувшись напоследок.

Теперь она вспомнила, куда приехала. А правда ли здесь все именно так, как она помнила?

Глава 2. А куда мы?

С холма открывался невероятно красивый вид на еловый лес. Темно-зеленый массив закрывал сверху светлую зелень поля, через которое им предстояло проехать. Июльский воздух висел почти осязаемым маревом, пропитанным сухими запахами нагретой солнцем травы и сосновой смолы.

Внизу, насколько хватало глаз, простиралась широкая долина: сочная, еще не выгоревшая луговая трава волновалась от легких порывов ветра, напоминая светло-изумрудное море. А сразу за ней тяжелым, непроницаемым щитом вставала монолитная стена древнего ельника. Его островерхие вершины казались почти черными на фоне ослепительно-голубого, будто выцветшего от полуденного жара неба.

Колеса велосипедов слегка поскрипывали по высохшей, утрамбованной до состояния камня грунтовой дороге. В воздухе стоял мерный гул насекомых — где-то в гуще луга сотязались стрекочущие кузнечики, а над головами время от времени проносились тяжелые слепни.

— Куда мы в итоге едем? — спросила Алена, перекладывая ладони на руле чуть удобнее. Ладони были влажными от жары, и резиновые грипсы слегка скользили.

— Я нашла новый совсем небольшой затон за лесом, — отзывалась подруга, не оборачиваясь, но заметно оживляясь. — Там очень красиво. Тебе понравится. Там вода абсолютно

стоячая, как зеркало, и кувшинки с лилиями прямо у берега. И главное — вообще никого.

Они начали спуск с холма. Мелкие камушки вылетали из-под шин с сухим треском. Скорость увеличилась, ветер на мгновение обдал лицо долгожданной прохладой, взъерошил выбившиеся из хвоста пряди волос, но стоило только съехать на ровный участок в низине, как духота снова сомкнулась вокруг коконом.

Всю дорогу Аня восторженно, размахивая руками настолько, насколько это позволяет возможность ехать по пересечённой местности, не держа руль велосипеда, рассказывала обо всем, что происходило за прошедшие пол года, пока они не виделись.

Анюта вообще обладала удивительным даром: она могла одновременно балансировать на узкой тропинке с глубокими выбитыми колеями от тракторных колес, отмахиваться одной рукой от назойливых оводов, а второй эмоционально жестикулировать, подчеркивая свои слова. Она сыпала именами людей, которых Алена едва помнила или не знала вообще, пересказывала какие-то забавные истории с летней сессии, рассказывала о новых знакомых из студенческого турклуба, о каком-то парне с параллельного потока, который обещал научить ее играть на гитаре, о ремонтных работах в их городской квартире и о том, как у ее кота появилась аллергия на новый корм.

Алена лишь изредка переводила взгляд с дороги на мель-

кающую впереди яркую желтую футболку подруги. Выдрессированное за годы их дружбы внимание позволяло вовремя кивать, менять интонацию и делать вид, что она целиком погружена в этот бесконечный поток новостей.

Тело само справлялось с велосипедом: брюнетка ловко объезжала выступающие из земли сухие кочки, приподнималась на педалях перед глубокими рытвинами и выбирала наиболее ровную траекторию. Но мыслями она была невероятно далеко от этого солнечного поля, от звенящей жары и от рассказов.

Она всё думала про Захара.

Разум отказывался возвращаться в реальность, застревая в воспоминаниях и бессмысленных догадках. Вышедшее солнце припекало по рукам и ногам, пекло неприкрытую голову. Кожа на плечах уже слегка зудела - явно начнет краснеть к вечеру, если они скоро не укроются в тени. Подруга болтала без умолку и на все ее вопросы спокойно можно было ответить одним единственным 'мгм'.

— И он, представляешь, говорит ей это прямо в лицо! Представляешь? — доносился до Алены голосистый, звонкий смех.

— Мгм, — отзывалась Алена, чуть сжав тормозную ручку перед крутым поворотом.

— Вот и я говорю! Вообще никакого стыда!

Они ехали уже около получаса и река, вдоль которой лежала дорога, текла в противоположном направлении. Холод-

ная вода журчала и манила нырнуть с разбега.

Дорога змеилась по самому краю высокого берега. Река здесь была неширокой, но быстрой, с чистым песчано-галечным дном. Вода катилась прозрачной струей, преломляя солнечные лучи и отбрасывая на прибрежные березы золотистые блики. Она казалась почти ледяной — где-то выше по течению в нее впадали многочисленные ключи. Было нестерпимое, физически осязаемое желание просто бросить велосипед в высокую траву, сбросить кроссовки, разбежаться и ласточкой уйти под эту темную, прохладную гладь, смывая с себя и липкий пот, и пыль дороги, и эту тяжелую, тягучую тревогу, которая сдавливала грудь последние несколько дней.

Прошло уже четыре дня с момента их разговора с Захаром. От него не пришло ни одного сообщения.

Алена доставала телефон каждые полчаса, когда на экране мелькала хоть одна палочка сети. Экран оставался немым и пустым. Ни уведомлений в мессенджерах, ни пропущенных вызовов, ни даже короткого «Как ты?».

Это было настолько не похоже на него, что пугало своей противоречивостью. В Москве он постоянно писал, звонил, звал куда-нибудь, а если она не отвечала — приезжал к ней на тренировку, ждал у спорткомплекса, а несколько раз даже приезжал под подъезд дома и ждал там. А сам, на минуточку, жил за МКАДом. Ему требовалось больше часа, чтобы добраться до ее дома через вечерние пробки, просто чтобы

простоять пол часа у входа в подъезд, вручить ее любимую шоколадку или какой-нибудь цветочек и спросить, как прошел день.

Он был настойчивым, иногда до назойливости, громким, заполняющим собой все пространство вокруг. Но за последние месяцы его присутствие стало казаться привычным, не просто фоновым, а неотъемлемым. Как простая и привычная часть дня.

И вот теперь — полная, оглушительная тишина.

Алена сжала руль так, что побелели костяшки пальцев. В голове крутился один и тот же бесконечный, выматывающий калейдоскоп гипотез.

Может он очень сильно занят? На работе завал? Но ведь раньше даже в самые сумасшедшие авралы он находил тридцать секунд, чтобы отправить хотя бы смайлик или просто «доброе утро».

Может он уехал туда, где нет интернета? Нет, наверное, он просто потерял телефон. Выронил из кармана в такси или разбил экран? Но неужели нельзя было написать с компьютера? Попросить телефон у друга, найти хоть какую-то возможность дать о себе знать? Ведь он знал, что она уезжает, знал, что она тоже будет переживать.

Может он и вправду уехал? Куда-нибудь к бабушке, где нет интернета? У него действительно была бабушка в глухой деревне под Тверью, где ловило только на верхушке старой водонапорной башни... Но почему он не предупредил зара-

нее? Почему последний их разговор закончился так странно?

Алена попыталась вспомнить ту их последнюю встречу во вторник вечером. Они стояли на парковке у ее подъезда. Вечер был прохладным. Захар смотрел на нее долгим, каким-то испытующим взглядом, а она... она была уставшей после жаркого дня, мысли были заняты предстоящей поездкой и неоконченными делами. Он обещал писать, обещал «веселить» ее даже на расстоянии. Да, конечно, они ничего друг другу еще не обещали. Но разве они не были друзьями? Были. По крайней мере она так считала. А друзья уж точно так не поступают.

Эта мысль отозвалась внутри острой, неприятной колющей болью.

Тем временем солнечный свет стал постепенно угасать, сменяясь глубоким, бархатистым полумраком — дорога наконец нырнула в еловый лес.

Контраст оказался резким, почти оглушающим. После палящего зноя открытого поля ельник встретил их сырой, плотной прохладой и глубокой тишиной. Вековой лес стоял неподвижно и сурово. Огромные ели, чьи нижние ветви были лишены хвои и похожи на костлявые сухие лапы, смыкались кронами высоко над головой, образуя сплошной зеленый шатер. Лишь кое-где сквозь эту густую хвойную крышу пробивались прямые, как стрелы, солнечные лучи. В этих золотистых столбах света медленно кружилась лесная пыль,

вспыхивали и гасли крошечные мошки.

Воздух здесь был совсем другим — густым, тяжелым, насыщенным запахами прелой хвои, влажного мха, грибницы и терпкой сосновой смолы. Звуки луга остались где-то позади. Слышно было только, как мягко шуршат шины по толстому ковру мха, да время от времени сухо треснет под колесом упавшая сухая ветка.

Тропинка стала сужаться, виляя между массивными стволами. Из темной, сырой земли то и дело выпирали узловатые корни елей, похожие на замшелые хребты сказочных чудовищ. Ехать становилось труднее: приходилось постоянно маневрировать, крепко держа руль обеими руками и пристально следя за дорогой, чтобы не влететь колесом в глубокую промоину.

Река где-то справа сбавила свой бег. Ее журчание сменилось глухим, редким всплеском. Берег стал понижаться, превращаясь в плоскую, затопленную низину.

Чем дальше они продвигались вглубь леса, тем сильнее менялся пейзаж. Твердая лесная почва постепенно уступала место вязкой, чавкающей грязи. Ели стали реже, уступив место низкорослым, искривленным березкам, чахлому ивняку и высоким кочкам, покрытым ярко-салатовым мхом-сфагнумом. Воздух пах болотным багульником — этот сладко-одурманивающий, тяжелый аромат мгновенно заполнил легкие.

Аня притормозила, плавно сбросив скорость, и останови-

лась перед широкой полосой темной, стоячей воды, через которую пролежала лишь тонкая, полузатопленная цепочка из сухих жердей и выпирающих кочек.

— Чего зависла? — Она аккуратненько толкнула подругу в бок. — Здесь придется спешиться и пройти по краю болота, смотри аккуратнее, чтобы ноги не вымочить. Хотя, наверное, уже без разницы.

Алена вздрогнула, выныривая из липкого омута собственных мыслей. Она огляделась вокруг, словно только что проснулась. Они стояли на самом краю болотной низины. Прямо перед ними, за редкой стеной камыша и осоки, проглядывала гладь затона — абсолютно неподвижная, темная, как сталь, в которой идеально, до наименьшей иголки, отражались молчаливые верхушки елей и далекие облака.

Не успела девушка окончательно прийти в себя, как подруга уже спрыгнула с велосипеда и, придерживая его за руль, осторожно ступила на первую кочку. Ее кроссовок слегка ушел в мягкий, чавкающий мох, из-под которого тут же выступила темная вода.

Алена тоже спешила. Ноги после долгой крутежки pedal farther казались ватными и немного чужими. Жажда и усталость от зноя сменились ледяным спокойствием этого затанного места. Она достала из кармана шорт телефон, взглянула на пустой экран без единого намека на связь и, вздохнув, убрала его глубоко в рюкзак.

Вокруг стояла звонкая, первозданная тишина, нарушае-

мая лишь тихим шелестом осоки и далеким криком какой-то болотной птицы. Затон лежал перед ними — нетронутый, скрытый от всего мира. И где-то далеко остались веселые и шумные компании друзей, и душные проспекты столицы, и бежевые стены родного дома, и бесконечный гул машин. Только Захар по-прежнему оставался с ней — невидимым, молчаливым спутником, от которого невозможно было уехать ни на велосипеде, ни скрыться за самым глухим болотом.

Глава 3. Не скучай, родная.

— Это всего на две недели.

— Да я понимаю, просто... Тут кроме тебя общаться не с кем.

— Ну что ты такое говоришь, как это не с кем? А ребята эти... ну как их, ну вот те, которые костры каждый вечер на окраине у леса жгут? Вы же знакомы.

— Они неандертальцы, они неадекватны. Мне кроме тебя не с кем тут гулять. Буду две недели либо с дедом в гараже упиваться кофе и чинить двигатели двухсотлетней давности, либо с бабушкой познавать тонкости агрокультурного мира помидоров.

— Даже не начинай, а то я такими темпами реально никуда не уеду, а останусь тут.

Аня тяжело вздохнула, поправила ляжку яркого спортивного рюкзака и забросила чемодан на колесиках в багажник старенького синего «Фольксвагена», приехавшего за ней из районного центра. Везти её до ж/д вокзала предстояло деду Коле — человеку молчаливому, пахнущему табаком и яблочной шарлоткой.

— Всё, Алёнка, не сутулься и не скучай! Я буду присылать фотки моря каждое утро. Только не заблокируй меня от зависти, ладно? — Аня крепко обняла её, на мгновение запу-

тавившись пальцами в Алёниных волосах, после чего юркнула на заднее сиденье машины.

Дверца хлопнула с глухим звуком. Машина плавно тронулась с места и спустя пару минут скрылась за поворотом, подняв на деревенской грунтовке облако золотистой вечерней пыли. Алёна осталась стоять у старого деревянного дома абсолютно одна.

Июльский вечер дышал сухим теплом, нагретыми за день сосновыми иглами и пряным запахом скошенной травы.

Где-то вдалеке, как раз с той самой поляны у леса, уже доносились приглушенные аккорды расстроенной гитары и взрывы громкого, гортанного хохота. «Неандертальцы» заступали на очередную ночную смену. Они жгли костры из сушняка, пили дешевый лимонад, гоняли на полуразобранных «Ижах» без глушителей и считали себя королями этой глуши. Наладить с ними контакт у Алёны не было ни малейшего желания: их словарный запас, казалось, полностью состоял из междометий и междометиями же ограничивался. А последний раз они нормально общались лет пять назад, когда она ещё училась в средней школе.

Оставшись без своей главной и единственной отдушины в лице Ани, Алёна развернулась и медленно побрела в глубину двора.

Слева возвышалась двухэтажная святыня из поликарбоната — царство бабушки. За прозрачными стенками теплицы угадывался знакомый силуэт в цветочном халате и соло-

менной шляпе, надетой поверх аккуратного пучка. Бабушка вела непримиримую и священную войну за урожай. Однозначно надо было ей помочь.

— Алёнка! — донесся из теплицы зычный голос. — Подруга-то уехала? Заходи давай, я как раз пасынкование заканчиваю! Посмотрю хоть, правильно ли ты вчера нижние листья обрывала. Если лишнее срезала — Бычье сердце нам этого не простит!

Алёна сглотнула. Агрокультурный мир помидоров наступал по всем фронтам. Сорта «Бычье сердце», «Черный принц» и «Восторг» звучали в исполнении бабули как древнегреческие проклятия, требовавшие жертв и регулярного полива под корень исключительно отстоявшейся теплой водой.

— Ба, я сейчас! — крикнула Алёна, делая шаг назад. — Я только у деда в гараже инструментарий проверю!

— Опять к деду? — из теплицы показалась бабушка, держа в руках секатор и испачканные зеленым соком помидорных стеблей перчатки. — Вы с ним скоро бензином вместо чая умываться будете! Смотри мне, кофе на ночь не пейте, а то у твоего деда потом до трех ночи «Иж-Юпитер» в голове газует!

— Не будем, ба!

Гараж деда Толи был не просто постройкой. Это был храм, музей и мастерская одновременно. Двухэтажное здание из белого кирпича с панорамными окнами и отделанным

чердаком казалось для данной местности по меньшей мере неуместным. В воздухе здесь царил вечный, неповторимый аромат: смесь нефтяного ксилола, бензина, старой кожи и ядреного растворимого кофе «Жардин», который дед заваривал крутым кипятком прямо в трехлитровой эмалированной кружке с отбитой эмалью на ручке.

Внутри горели яркие лампы под жестяными абажурами. На полу у стены играл магнитофон «Олимп-004». Дед, сидя на перевернутом ящике из-под извести, в очках с толстыми линзами на кончике носа, аккуратно протирал ветошью блестящий коленвал.

— Уехала подружка-то? — не поворачивая головы, спросил дед. Голос у него был глуховатый и прокуренный..

— Уехала, — вздохнула Алёна, присаживаясь рядом на низенькую табуретку, на которой лежали аккуратно разложенные рожковые ключи на «12» и «14». — На море.

— Море — это хорошо, — философски заметил дед, прищурив один глаз и разглядывая деталь на просвет. — А вот у нас с тобой, Алёна, делом пахнет. Смотри-ка. Он протянул ей поршень, весь покрытый темным нагаром. — Видишь кольца? Залегли. Оттого и компрессии нет, и дымит, как паровоз на подъеме. Вот тебе нулевка, держи. Потихоньку, без фанатизма, зачищай нагар. Только юбку не трогай, понял меня, инженер?

Алёна взяла в руки тяжелый металлический цилиндр и кусочек наждачной бумаги. Руки у нее уже давно не были

боязливыми: за первую неделю пребывания в деревне дед успел преподать ей краткий курс слесарного дела. Сначала она сопротивлялась, но потом обнаружила в этом странную, почти медитативную магию. Когда ты зачищаешь металл, крутишь гайки и видишь, как мертвая железяка снова начинает оживать — в этом было гораздо больше смысла, чем в бесконечном листании ленты социальных сетей, где всё равно не ловил интернет.

— Дед, а кофе есть? — тихо спросила она, аккуратно снимая первый слой темно-коричневого нагара.

Дед хмыкнул, поднялся, стараясь не кряхтеть, и подошел к старенькому электрическому чайнику, стоявшему на верстаке прямо поверх чертежей и коробок с гвоздями.

— Есть. Куда ж без него. Бабка твоя опять ругалась?

— Сказала, что мы бензином умываемся.

— Хм. Она сама своим помидорам раз в неделю вытяжку из крапивы заваривает, от которой за версту разит, а к нашему благородному ремеслу придирается, — дед налил в две кружки крутой кипяток, и по гаражу поплыл густой гудронный аромат черного кофе. — Держи. Две ложки сахара, как ты любишь.

Алёна приняла горячую кружку, с наслаждением вдохнула пар и сделала маленький глоток. Кофе был горчащим, термоядерным, но в сочетании со звенящей тишиной вечера и прохладой, постепенно заползавшей в гараж через открытые ворота, казался самым вкусным напитком на свете.

За воротами темнело стремительно краснело небо. Нигде и никогда не бывало такого красивого неба на закате, как в Республике Коми. Возможно поэтому она все ещё видела смысл сюда приезжать.

Где-то там, на поляне, раздался треск, и в небо взвился сноп искр — местные ребята развели свой очередной костер. Спустя минуту до гаража донесся рев очередного мотора, явно работающего без воздуха: кто-то пытался завести старый мотоцикл, но тот только жалобно чихал и глох.

— Ишь, газует, — дед покачал головой, глотнув кофе. — Карбюратор заливает, дурачина. Воздушную заслонку бы прикрыл да свечу прожег. Эх, молодежь. Мощи много, а ума — с гулькин нос. Алёна улыбнулась, отпивая из кружки:

— А ты бы пошел, дед, научил их?

— Я? К этим дикарям? — дед искренне возмутился — Чтобы они мне весь инструмент растащили? Ну уж нет. Пусть мучаются. А мы с тобой завтра этот мотик соберем, зажигание выставим, и заказчику отвезем, за руль моей ласточки сядешь. Алёна замерла с поднятой кружкой.

— За рулем? Ты же говорил, что я еще малого роста и вообще девочка!

— Ты не девочка, ты у меня толковый подмастерье, — строго поправил дед, но тут же смягчился. — Тем более права у тебя есть. Гайки крутить научилась, чувствуешь железо. Значит, и с сцеплением справишься. Главное — газом не дергать и сцепление плавно отпускать. А то улетишь в ба-

бушкин парник, и тогда нам обоим конец. Она нас вместе с тобой на удобрения пустит.

Алёна засмеялась. Вдруг двухнедельная перспектива жизни без Ани перестала казаться такой уж беспросветной и тоскливой.

— Договорились, дед, — сказала она, снова бережно берясь за наждачную бумагу. — Завтра собираем зажигание. А если бабушка придет просить помощи с пасынкованием — скажем, что у нас тут аварийный ремонт узла первой важности.

— Вот это по-нашему, — одобрительно ухмыльнулся Анатолий Евгеньевич, возвращаясь к своему коленвалу. — Наш человек. Наливай еще по маленькой, пока чайник не остыл.

Ночь окончательно накрыла дома. За стенами гаража стрекотали насекомые, шумел сосновый лес и Алёна впервые за весь день подумала, что эти две недели могут оказаться совсем не худшим временем в её жизни.

Глава 4. Давай с нами.

Утро выдалось прозрачным, знойным и по-особенному летним. Солнце еще не успело подняться в самый зенит, но от усыпанной гравием дорожки, ведущей к гаражам и спортивной базе, уже веяло сухим, густым теплом. Вокруг стоял оглушительный стрекот цикад и тяжелый хвойный аромат: база ютилась на самом краю векового леса, и разогретая смола источала такой терпкий дух, что казалось, его можно было пить вместо воды. Алёна с жадностью вдыхала этот воздух. Целый год. Ее не было здесь целый год — с самого прошлого лета. Длинный удушливый учебный год в городе, пыльные проспекты, серое небо над высотками и бесконечная суэта отняли у нее это чувство свободы.

Из глубины гаража, где в прохладной тени висели на стенах старые колеса от лыжероллеров и связки зачехленных палок, вынырнула знакомая широкая фигура в потертой спортивной ветровке с надписью «Russia» на спине.

— Борис Глебович! Доброе утро!

— Ого, Алёна, сколько лет, сколько зим. Как выросла-то. А Анатолий где?

— До магазина пошел, сейчас подгоним вам, все починили, — улыбаясь, сказала Алёна своему тренеру.

Лыжными гонками она занималась с шести лет, а если честно — вообще сколько себя помнила. Правда, профес-

сиональной спортсменкой с ежедневным жестким графиком Алёна так и не стала. Жизнь в столице и отсутствие нормальной секции неподалеку превратили лыжи в сезонное, но оттого еще более страстное увлечение. В городе она лишь иногда выходила на кроссы в ближайший парк, да бегала на дорожке в фитнес-клубе, но настоящая жизнь начиналась только здесь.

Дедушка познакомил ее с Борисом Глебовичем, когда она еще едва доставала головой до тренерского свистка. Тренер быстро разглядел в девчонке естественную координированность и легкий, выносливый шаг. С тех пор, когда выдавалась возможность потренироваться с командой или съездить на тренировочный сбор — она эту возможность никогда не упускала.

Команда состояла из двадцати человек, среди которых было действительно много чемпионов России, призеров области и победителей городских соревнований. Это были «пахари» — ребята, которые жили спортом круглый год, знали каждую кочку на трассе и могли бежать классикой по сорокаградусному морозу с закрытыми глазами.

Республиканский лыжный комплекс представлялся ей лучшим местом на свете, особенно в конце марта, когда тающий снег создавал наст и лыжи разгонялись до невероятных скоростей, что можно было и в гору вылетать «только в путь», как говорят ребята.

В такие дни, когда мартовское солнце выжигало глаза

до слез, а утоптаный, замерзший за ночь снег звенел под пластиком, скорость дарила ощущение абсолютной свободы. Подъем, который зимой казался бесконечной мукой, пролетался на одном дыхании, мощным, размашистым коньковым ходом, а на спусках свистел в ушах ледяной ветер.

Тренироваться летом ей нравилось не так сильно. Лето для лыжника — это не романтика и не скорость. Это тяжелая, пыльная, черновая работа, от которой сохнет в горле и гудят кости. Это бесконечные километры прыжковой имитации с палками в крутые песчаные подъемы, когда от жары плавится асфальт, а над ухом несмолкаемо гудят полчища оводов.

Это лыжероллеры на раскаленной трассе — жесткие, не прощающие ошибок колеса, падение с которых на асфальт на скорости всегда означало содранные до мяса локти и колени, обожженные животы и расцарапанные руки.

Борис Глебович подошел ближе, вытирая замасленные пальцы о старую ветошь. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами от постоянного прищура на снегу и солнце, лучилось искренней, теплотой.

— Совсем взрослая стала, — пробасил тренер, оглядывая ее с ног до головы. — В городе-то, небось, совсем про лыжи забыла? Только в телефоне сидишь?

— Не забыла! — с шутливой обидой отозвалась Алёна. — Я кроссы бегала. Правда, не каждый день... но бегала!

— Знаем мы ваши городские кроссы, — усмехнулся Бо-

рис Глебович и похлопал по кожаному сиденью мотоцикла. — А за технику спасибо. А я уж думал под замену. Недели три без колес сидел, на дальний круг пешком ходил маркировку проверять.

Из-за угла гаражного массива показался дедушка. Анатолий шел своей неторопливой, слегка приваливающейся на правую ногу походкой, держа в руках запотевшую бутылку холодного кваса и пакет с сушками. — Здорово, Глебыч! — крикнул дедушка еще издали, утирая усы. — Принимай аппаратуру. Поршневую перебрал, зажигание выставлено как по часам. Заводится с пол-оборота, еще нас с тобой переживет! Мужчины пожали друг другу руки. Борис Глебович тут же перекинул ногу через сиденье, примерился, с наслаждением качнул руль и дернул кикстартер.

— Сказка! — Борис Глебович заглушил двигатель и с уважением посмотрел на дедушку. — С меня должок, Толя. Век не забуду.

— Да какой должок, брось, — отмахнулся дедушка, отпивая из бутылки квас. — Ты лучше скажи, как у вас подготовка идет? наших орлов уже гоняешь?

Тренер вдруг хитро прищурился, посмотрев сначала на Анатолия, а затем переведя долгий, оценивающий взгляд на Алёну. В этом взгляде профессионального наставника сразу включился привычный калькулятор: рост-весовые показатели, длинный рычаг рук, сухие жилы на ногах.

— А вот про подготовку у меня к вам как раз разговор

есть, — с особенной интонацией произнес Борис Глебович. Так он обычно говорил перед тем, как объявит состав на эстафету. — Ты вообще надолго приехала, Алён? На всё лето?

— Ну как сессию закрыла июль и август здесь, — подтвердила она. — До самого конца августа. — Это хорошо. В общем, так. Через три дня, в понедельник, команда начинает здесь первый полноценный вкатывательно-объемный сбор. Три недели.

— Борис Глебович... — растерянно проговорила Алёна, переглянувшись с дедушкой. — Но я же целый год нормально не тренировалась... Так, наскоками. У меня же формы никакой нет! Какое мне? Я же отставать буду на каждом подъеме, только ребят тормозить.

— А я тебя в первый состав и не прочу, — спокойно перебил ее тренер, убирая ветошь в карман ветровки. — Будешь пахать по индивидуальному графику. Вчера из области пришел звонок — у Кати Санниковой, помнишь ее ведь, связка на колене полетела, снимается до осени. Место в домике остается пустующим, финансирование уже заложено. Чем тебе в деревне три недели баклуши бить да на речку ходить, лучше с нами поедешь. Втянешься. База у тебя хорошая, дышалка с детства правильная. Через неделю нашими объемами форму вернешь.

Алёна стояла, не зная, что ответить. С одной стороны, внутри зажегся привычный азарт — вызов, который так привлекал ее в спорте. С другой — был откровенный страх. Го-

дичный перерыв не проходит бесследно. Мышцы отвыкли от постоянной закисленности, ладони отвыкли от жестких темляков палок, а пятки — от твердых колодок лыжероллеров.

— Ну чего молчишь, спортсменка? — добродушно усмехнулся дед, похлопав внучку по плечу. В его глазах читалась такая надежда и гордость, что отказываться было бы настоящим предательством. — Тренер дело говорит. Год в городе просидела — надо кровь разогнать, дурь городскую вытрясти. Я тебе сам роллеры сегодня переберу.

— Но Борис Глебович, там же нагрузки... — всё еще сомневалась Алёна. — Ребята год пахали, а я приеду «с улицы».

— Жалеть никто не будет, — сурово, но с теплотой сказал тренер. — Будет тяжело. Очень тяжело. Но вы же с ними давно знакомы. Вкатка всегда мучительная, сама знаешь, прольешь семь потов, первые дни ноги согнуть не сможешь. Зато к августу будешь как новенькая. Ну? Берешься? Или испугалась?

— Я не испугалась, поеду, конечно — тут же поджала губы Алёна.

— Вот и молодец! — Борис Глебович огладил усы и довольный хлопнул в ладоши. — В понедельник в шесть утра от спорткомплекса.

Они простояли у гаража еще около получаса. Мужчины допивали квас и обсуждали тонкости регулировки сцепления, вспомнили пару историй с прошлых выездов, а Алёна

стояла рядом, слушая их уверенные голоса и глядя на верхушки сосен, уходящие в ослепительно синее лето.

Глава 5. Кто это?

Шесть часов утра понедельника встретили их звонкой, прохладной свежестью. Легкий туман еще стелился над поляной, цепляясь за верхушки высоких сосен, а влажная от росы трава вдоль асфальтовой дорожки блестела под первыми прямыми лучами солнца. Воздух был настолько чистым и прохладным, что при каждом глубоком вдохе слегка покалывало в груди.

У гостиницы спорткомплекса ее ждала сонная толпа.

Около двух десятков ребят и девчонок кучковались на широкой площади перед главным корпусом. Кто-то сидел прямо на своих массивных спортивных сумках, укутавшись в капюшон толстовки; кто-то полужакрытыми глазами разглядывал асфальт, держа в руках запотевшие стаканчики с горячим чаем из автомата, а огромные чехлы с лыжероллерами и палками стояли прислоненными к парапету, образуя настоящий частокол.

— Алёна! — Андрей Юровский радостно махал ей с верхушки длинной широкой лестницы.

Андрей, один из лидеров мужской сборной и главный весельчак команды, стоял на верхних ступенях в яркой красной ветровке, энергично подпрыгивая на месте.

Ребята встретили ее на удивление очень радостно и оживлённо. Особенно девочки.

Стоило Алёне подняться на верхнюю ступеньку с тяжелой сумкой через плечо, как к ней тут же бросилась Даша, а за ней подтянулись Ира и Катя. Год отсутствия словно растворился в одно мгновение. Девчонки окружили ее, наперебой обнимая, ощупывая, разглядывая и засыпая вопросами: «Как ты?», «Как учеба?», «Ты на весь сбор?», «Ого, а ты вытянулась!». Парни сдержанно, но искренне улыбались, поочередно подходя и пожимая ей руку или хлопая по плечу: «С возвращением в ад, Алёнка!», «Форму-то не потеряла?». Это искреннее, общее тепло моментально сняло тот липкий осадок тревоги, с которым она ехала сюда. Она снова была среди своих.

Шум и гвалт мгновенно утихли, когда из дверей главного корпуса вышел Борис Глебович с папкой-планшетом в руках. Тренер окинул свою гудящую ораву строгим, но довольным взглядом.

— Так, орлы и орлицы, слушать сюда! — громко раздался его привычный басок. — Времени раскачиваться у нас нет, график плотный. Сначала заселяемся, переодеваемся, в 7:30 выходим на зарядку, в 8:30 идём на завтрак. Дальше все как обычно. Всё, пойдёте расселяться по домам.

Борис Глебович махнул рукой в сторону коттеджного городка.

Коттеджи представляли собой аккуратные двухэтажные деревянные домики, спрятанные в густой тени соснового бора чуть ниже стадиона. От них пахло свежевыкрашенной

древесиной, смолой и легким уютом.

Зарядка и завтрак прошли стандартно.

На зарядке они сделали пару легких кругов по мягкой гаревой дорожке стадиона, разогрели суставы, растянули мышцы и окончательно сбросили с себя остатки сна. На завтраке в столовой, уставившись в тарелки с дымящейся овсянкой и бутербродами с сыром, ребята привычно шумели, подкалывали друг друга и обсуждали предстоящие объемы. Состав ребят был знаком и Аленка была рада к ним вернуться. Казалось, не было этого бесконечно длинного года в городе — всё те же родные лица, те же шутки, те же знакомые интонации.

После столовой они вышли на открытую трибуну стадиона, чтобы дойти до стартового городка.

А самым прекрасным на этом стадионе было бескрайнее голубое небо, открывающееся со стартового поля. Со всех сторон его обнимали зеленые бархатные хребты, а над широким, идеально ровным стартовым полем куполом раскинулась ослепительная, густая синева. Ни единого облачка, ни намека на городскую дымку — только чистейший, глубокий ультрамарин, в котором медленно парил одинокий коршун. От этого вида у Алёны на секунду перехватило дыхание. Она замерла на месте, закинув голову вверх, и почувствовала, как внутри расправляются крылья. Именно ради этого неба и ради этого ощущения пространства стоило возвращаться.

Перед тренировкой было собрание в холле тренерского

дома.

Спортсмены набились в просторный, обшитый вагонкой холл первого этажа. Кто-то уселся на деревянные скамьи, кто-то расположился прямо на ковре у стены, поджав под себя ноги. В воздухе висел плотный гул голосов, перебиваемый звуками молний на баках.

Борис Глебович встал у большого настенного стенда с картой роллерной трассы и развернул свои записи.

— Итак, первая тренировка — вкатывательная, — начальным тоном объявил тренер, постучав ручкой по доске. — Сначала три круга по малому кольцу, работаем над техникой, без фанатизма. Пульс не задирайте, держим первую-вторую зону. Потом переходим на силовую в первый подъем...

Алёна сидела во втором ряду на низкой скамейке, подперев подбородок кулаком, и внимательно слушала Бориса Глебовича, механически кивая в такт его словам.

Все шло как обычно, но вдруг с другого конца зала она заметила взгляд.

Это было странное, почти физическое ощущение — будто кто-то прикоснулся к ее лбу горячей ладонью. Алёна медленно повернула голову, скользнув взглядом по рядам сидящих ребят.

У самого окна, прислонившись плечом к бревенчатой стене, стоял незнакомый парень. На нем была темная безрукавка, обнажавшая рельефные, загорелые плечи, а темные волосы были небрежно раскиданы на две стороны. Но главное

было не это.

Черные как бездна глаза смотрели на нее очень пристально.

В этих глазах не было привычного мальчишеского кокетства, смущения или простого любопытства. Это был глубокий, тягучий, пронизывающий взгляд — немигающий и абсолютно прямой. В нем читалась странная, давящая сила. Алёна на секунду опешила. Обычно, когда люди сталкиваются взглядами с незнакомцами, они тут же отводят глаза или делают вид, что смотрят мимо. Этот же парень даже не моргнул. Он продолжал открыто и спокойно изучать ее лицо, словно во всем холле они были только вдвое.

Алёна почувствовала, как к щекам приливает горячая волна, а сердце внутри сделало лишний, неровный кувырок. Она упрямо попыталась выдержать этот визуальный поединок, но через пару секунд не выдержала и резко отвернулась обратно к тренеру, хотя смысл слов Бориса Глебовича на мгновение полностью ускользнул от нее.

— ...Потом откатка и на обед, — закончил тренер, за хлопав папкой. — Вопросы есть? Вопросов нет. Через пятнадцать минут все на старте в полной экипировке.

Холл мгновенно пришел в движение. Ребята зашумели, задвигали скамейками и потянулись к выходу, обсуждая маршрут и выбирая наконечники для палок.

Алёна не спешила вставать. Она сделала вид, что у нее расшнуровался кроссовок, нагнулась, завязывая бант, и до-

ждалась, пока основной поток спортсменов выплеснется на улицу. Заметив проходящего мимо Вадима — старшего парня из городской группы, с которым они давно были в хороших отношениях, — она поднялась и шагнуть к нему.

— Вадим... — окликнула она внука их тренера тихо, кивнув в сторону уже опустевшего угла у окна. — Вадим, что за новенький?

Вадим притормозил в дверях, поправив на плече бак, и проследил за ее взглядом. Парень с черными глазами уже выходил на крыльцо, спокойно шагая среди шумящей толпы.

— А, Паша? Его Вова с собой привез. Из соседней области, кажись, или из центрального клуба. У них там секцию закрыли на ремонт, вот Федя и договорился с Глебычем, чтобы тот его на наш сбор взял. Занятный парнишка. Молчаливый такой, пашет как зверь. На роллерах прет — хрен догонишь.

— А, понятно. Спасибо, — кивнула Алёна.

— Да не за что, — хмыкнул Вадим и выскочил на улицу.

Алёна еще пару секунд постояла у окна, глядя, как кареглазый незнакомец натягивает на крыльце шлем и надевает перчатки. Движения у него были четкими, скупыми и очень уверенными.

Вечер

Первый день сбора выжал из нее все соки. Три часа на роллерах под палящим солнцем, а затем еще часовая имита-

ция в подъем дали о себе знать: мышцы ног тяжело ныли, плечи налились свинцом, а содранная на левой ладони мозоль щипала до слез.

Но это была правильная, хорошая усталость.

После сытного ужина и горячего душа Алёна лежала на своей кровати на втором этаже коттеджа. Окно было открыто настежь, и в комнату плыл прохладный вечерний воздух, насыщенный ароматом хвои и остывающей земли. Где-то за домиками тихонько разговаривали — парни собрались на крыльце соседнего коттеджа. Девчонки весело переговаривались, одеваясь на прогулку по поселку.

Алёна свернулась калачиком на мягком одеяле, достала из-под подушки телефон. Экран ярко вспыхнул в полумраке комнаты. Вверху горел значок улавливаемого Wi-Fi.

Она открыла мессенджер и отыскиала диалог с подругой из университета.

Чат Сашка:

Алёна: Саааш, ты не представляешь. Новенький. Такой прикольный.

Ответ прилетел почти мгновенно — Сашка, похоже, вообще не выпускала телефон из рук.

Сашка: Опа! Какой еще новенький? Откуда взялся? Симпатичный?

Алёна: Паша зовут. Приехал с Вовчиком. Он такой... странный немного. Молчит всё время. И глаза... черные вообще, прямо как бездна. Смотрит так, будто насквозь видит.

Я аж растерялась на собрании.

Сашка: Дак познакомься.

Алёна вздохнула, посмотрев на потолок, где на каждой доске было черное пятно от соснового сучка. Пальцы быстро застучали по клавишам:

Алёна: Я не умею.

Экран замер на пару секунд, а затем высветилось короткое, суховатое, но очень в духе Саши сообщение:

Сашка: Учись.

Алёна тихо рассмеялась, уткнувшись лицом в подушку. Она отложила телефон на тумбочку и повернулась к окну. В свете яркого вечернего солнца верхушки соснового бора горели как желтые огоньки.

Впереди было еще три недели сбора. И почему-то Алёне казалось, что эти три недели будут совсем не похожи на все предыдущие.

Глава 6. Давай попробуем по плану.

Асфальт роллерной трассы буквально пылал под полуденным солнцем. Тяжелая эстафетная тренировка подходила к своему пику. Работа шла сериями: повторные ускорения в подъем с покрышкой на буксировочном тросе, затем спуск и мгновенная передача эстафеты напарнику. В воздухе стоял стойкий запах нагретой резины, пыли и терпкой хвои — стадион Республиканского лыжного комплекса со всех сторон обнимал плотный лес.

— Фух, я сейчас помру, — громко выдохнул Миша после очередного ускорения, бессильно падая мешком на траву возле линии старта и срывая с головы защитный шлем. Лицо у него было красным, а футболка промокла насквозь.

— Не помрёшь, пока все не закончим, ещё шесть подходов, — отрезанно сказала Алёна, стоя над ним и опираясь на лыжные палки. Ее собственный пульс зашкаливал за сто семьдесят, а в горле стоял сухой привкус железа.

— Ты прав, не помру, сбегу, — ответил он напарнице, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Куда ты денешься? — отдышавшись прошептал, подъехавший Даниил. Он тяжело навалился на палки рядом с ними, глотая горячий воздух. — Нам отсюда нет выхода.

Алёна окинула взглядом их четверку. Покрышки весили килограммов по семь, и Миша сегодня явно «наелся» еще

на третьем круге. Если так пойдет дальше, их пара окончательно завалит контрольное время.

— Так, давайте перестроимся, — предложила Алёна.

Девушка предложила внести корректировки в их командные составы и поменяться с Мишей напарниками. Теперь команда Даниила и Алены стартовала за Мишей и Арсением. Это немного разрядило обстановку. Арсений, обладавший лошадиной выносливостью, взял на себя часть работы Миши, а Даниил задал отличный ровный темп ускорений, под который Алёне было удобно подстраиваться.

Очередной старт. Щелчок наконечников о жесткий асфальт, мощный толчок руками и ногами, и тело подхватывает привычный ритм. Лыжероллеры — это ветер в лицо, это свобода. Да, шаблонно, но именно ощущение свободы.

Когда ты летишь по контруклону роллерной трассы на скорости за сорок километров в час, когда резина колес визжит на сухом гудроне, а стены векового леса проносятся мимо сплошной зеленой полосой, все проблемы, мысли и усталость просто выдувает из головы. Остается только траектория, баланс и жесткая работа мышц.

Но за этой свободой всегда стоит обратная сторона. Тяжелые тренировки, после которых в кровь были стёрты все ноги. Жесткие пластиковые ботинки за полтора часа работы на жаре натирали до ссадин, а от вибрации на неидеальном асфальте стопы буквально горели огнем. На ладонях под перчатками лопались старые водянки, но останавливаться бы-

ло нельзя. Наконец последний подход был закончен. Ребята буквально сползали с трассы к вакс-кабинам, сбрасывая с плеч лямки от покрышек.

— Так, орлы и орлицы, — Борис Глебович скомандовал, заталкивая покрышки обратно в вакс-кабина, — заминка тройка бегом и серия в городке. Мышцы заныли ещё сильнее. После тяжелой роллерной работы переключиться на бег всегда было отдельной пыткой. Ноги казались деревянными, а икроножные мышцы сводило от малейшего движения.

Ребята шустро расстегивали ботинки у лавочек возле сервис-домиков, переобувались в кроссовки и группами убегали на трехкилометровый кроссовый круг вокруг стадиона. Алёна специально не спешила. Она неторопливо расшнуровала лыжные ботинки, аккуратно убрала их в чехол и достала беговые кроссовки. Переодевшись, она решила подождать Пашу. Все убежали вперёд.

Паша сидел на краю деревянного настила чуть отдаленно от остальных. Он спокойно отстегнул крепления, снял шлем и только сейчас закончил завязывать шнурки. Юноша передел кроссовки и странно на нее посмотрел.

Какой застенчивый, — подумала Алёна, заметила, как он на секунду замялся, увидя, что она стоит одна и явно ждет его. Они параллельно начали движение вдоль стадиона, выходя на широкую опилочную дорожку, уводящую вглубь леса. Первые метры бега давались тяжело, ноги слушались плохо.

Девушка, повернув голову к нему, протянула руку:

— Алёна, тебя кажется Вова к нам привел? Парень выглядел не менее чем на два года старше неё. У него были широкие плечи, сухая спортивная фигура и спокойная, уверенная осанка человека, который привык много пахать в зале.

— Паша, да, Вова пригласил, — ответил парень глубоким хриплым голосом. И замолчал. Молчание повисло неловкой липкой паутиной. Они бежали плечом к плечу под кронами высоких коми-елей. Слышно было только синхронное шуршание кроссовок по сухим опилкам да их собственное дыхание. Паша смотрел строго перед собой, явно не собираясь развивать диалог или задавать встречные вопросы. Он будто закрылся в своей невидимой раковине.

«Ну уж нет, если друзья добываются как добыча, то я явно не отступлюсь», — подумала она и продолжила молча бежать рядом. Раз он не хочет разговаривать — не надо. Главное — показать, что его молчание ее ничуть не смущает и не пугает. Она просто держала его темп, мерно подстраивая шаг под его длинный беговой шаг.

Спустя десять минут непрерывного бега по пересечённой местности они догнали коллег. Основная группа растянулась по лесной дороге. Впереди бушевали привычные страсти. Витя с Андреем видимо в своей шуточной манере успели довести Вову до состояния крайней агрессии, и он гонялся за ними по дороге из стороны в сторону в надежде отвесить пару подзатыльников. Вова, обычно спокойный и рассуди-

тельный, сейчас бежал с абсолютно свирепым лицом, а Андрей Юровский со смехом ловко уворачивался от его выпадов, подставляя вместо себя Витю.

— Ален, Ален, поддержи пожалуйста! — на бегу рывкнул Вова, когда они с Пашей подбежали ближе.

Он на ходу сорвал с себя кепку, снял спортивные очки, вытащил из кармана пульсометр и перчатки, чтобы ничего не мешало ему в этой импровизированной погоне. Куча Вовиных вещей неожиданно оказалась у нее в руках. Вова тут же прибавил ходу и с победным криком кинулся за сворачивающим в кусты Андреем. Алёна стояла посреди дороги с охапкой чужого снаряжения. В голове мгновенно всплыла вчерашняя вечерняя переписка и суховатый совет подруги: «Учись».

Ей в голову пришла отличная, хотя и немного дурацкая идея.

— Паша.. Паш! — Алёна подбежала к парню и сунула ему в руки Вовины перчатки, пульсометр и очки. Он посмотрел на нее, широко открыв глаза от удивления. На его обычно непроницаемом и серьезном лице отразилось крайнее замешательство. Он автоматически сжал чужие вещи в руках, не понимая, что происходит.

Девушка приложила палец к губам:

— Не показывай ему. Она схватила свою собственную перчатку и подбежав к парням сделала вид, что они с Андреем (ее давно хорошим другом и по совместительству млад-

шим сводным братом ее подруги Ани) убегают от Вовы со всех ног.

— Вова, твою перчатку Андрей забросил! Лови его! — на бегу закричала Алёна, маша перед носом у Вовы своей собственной перчаткой и резко сворачивая в сторону вместе с Андреем.

План сработал и тот стал ещё разъярённее за ними бежать, думая, что его ценные вещи разбазаривают по лесной дороге. Он поддал газу, размахивая руками и оря на весь лес обещания жестокой расправы после тренировки.

А толпа девчонок и мальчишек ещё сильнее хохотать, видя, что все его вещи остались в руках «новенького». Паша стоял у края дороги с Вовиным пульсометром и очками в руках, переводя взгляд то на убегающего вглубь леса разгневанного Вову, то на хохочущих ребят. И тут Алёна заметила, как уголки его губ тронула легкая, открытая улыбка, а в черных глазах впервые за весь день вспыхнул живой, тёплый огонек. Она подмигнула ему на бегу и вместе с Андреем прибавила скорости, увлекая разъяренного Вову дальше по кругу. Неловкая пауза была разбита вдребезги.

После беговой заминки вся группа переместилась в так называемый «городок» — спортивную площадку под открытым небом с брусьями, турниками, деревянными помостами для прыжковой работы с тяжелыми набивными мячами. Вова, наконец выловивший Андрея и понявший, что его вещи на самом деле уцелели и находятся в целости и сохранности

у Паши, быстро остыл. Поймав Алёну у брусьев, он только погрозил ей пальцем и качнул головой:

— Ну, Аленка, ну подставщица. Я-то думал, эти ироды мои очки в овраг с концами утянули!

— Зато ты дистанцию заминки на две минуты быстрее нормы пробежал, скажи спасибо! — засмеялась Алёна, запрыгивая на низкий турник для отжиманий. Паша подошел к турникам чуть позже. Он молча повесил вещи Вовы на сук ближайшей сосны, снял кроссовки и встал в очередь на подтягивания. Алёна, закончив свой подход на пресс, присела на деревянный скамейку у края площадки. Мышцы ног после заминки наконец-то начали расслабляться, приятная тяжесть разливалась по всему телу. Солнце уже начала клониться к верхушкам сосен, пробивая лес длинными золотистыми лучами. Паша подошел к высокой перекладине. Без лишних движений, легко и собранно он взялся за гриф широким хватом. Его подтягивания были идеальными: без раскачки, рывков и читинга, подбородком высоко над перекладиной, с паузой в верхней точке. Раз, два, три... пятнадцать, двадцать. Ребята из младшей группы даже перестали прыгать на тумбу и начали уважительно поглядывать в его сторону.

— Ничего себе застенчивый, — тихо прошептала подсевшая к ней Даша, вытирая лицо полотенцем. — Он в зале вчера штангу тягал, как будто она пластиковая.

— Угу, — отозвалась Алёна, не отводя взгляда.

Закончив подход, Паша спрыгнул на опилки, даже не сбив дыхание. Поправляя футболку, он мельком взглянул на Алёну. На этот раз в его взгляде не было той давящей тяжести, что утром на собрании. Он просто кивнул ей — коротко, но очень тепло, как делают люди, между которыми только что появился свой маленький общий секрет.

— Так, закончили серию! — громкий голос Бориса Глебовича разнесся над городком. Тренер стоял у края площадки со секундомером на шее. — На сегодня все. Марш в душ, потом свободны до отбоя. Народ зашумел, подхватывая свои бутылки с водой и баки, футболки и кепки, пульсометры и снятые часы. Ребята потянулись по асфальтированной дорожке обратно в сторону коттеджного городка. Алёна шла неспешным шагом рядом с Андреем, который всё еще продолжал подкалывать Вову по поводу его спринтерских качеств. Чуть позади них шел Паша, спокойно разговаривая с Арсением и Женей о том, как вечером они пойдут до магазина.

Глава 7. Куда идёт дорога.

Теплая вода стекала по волосам. Вытереть волосы синим полотенцем. Нанести крем для лица.

После тяжёлых тренировок душ был необходимым отдыхом. Вода смывала не только пыль роллерной трассы и въевшийся пот, но и ту липкую, выматывающую физическую усталость, которая после второй тренировки заставляла дрожать икроножные мышцы. Девушка долго стояла под струями, просто подставив лицо под мягкие теплые потоки и закрыв глаза, пока гул в ушах от повышенного пульса наконец не сменился ровным тихим шумом воды.

Помещение душевой находилось на первом этаже их дома и широкие окна открывали вид на густой еловый лес и лыжероллерную трассу. На стенах душа, выложенных белым кафелем, кто-то оставил отпечатки ладоней синей краской. Красиво. Это было и пугающе и красиво одновременно. Брюнетка вышла и облокотилась на подоконник, закрутив полотенце на волосах. Сквозь распахнутые окошки зелёная трава, греемая вечерним теплым жёлтым солнцем, напоминала, что сейчас самый разгар лета, которое однажды, как и наша жизнь, неизбежно подойдёт к концу и придется лишь, вытерев слезы, принять суровую реальность.

Кожа на плечах и щеках горела, обожжённая полуденным солнцем. Она нанесла на подсохшее лицо легкий увлажняю-

щий крем, слегка вбивая его подушечками пальцев.

На этаже стояла тишина. Соседки по коттеджу еще ушли на заминку в вакс-кабину, и в распоряжении Алёны было всё пространство.

С улицы, тянуло сухой хвоей, нагретой древесиной настилов и вечерней прохладой, которая постепенно вытесняла дневной зной.

Хотелось чаю на веранде у бабушки и дедушки. Но где-то на самом дне подсознания уже точилась мелкая, вьедливая мысль о том, как быстро пролетят эти пять - шесть недель, как придется собирать сумки, садиться в поезд и ехать на следующий курс учебы.

Она вздохнула, отошла от окна и взяла со стола телефон.

Интересно, как там Паша, они же хотели меня в магазин позвать прогуляться

Сообщения не было.

Экран светился темной стандартной заставкой. Ни пропущенных вызовов, ни короткой строчки в мессенджере. На мгновение показалось, что про нее просто забыли или ушли своей компанией раньше, не став ждать.

Наспех вытерев голову и переодевшись в свободные серые спортивные штаны и белую объемную футболку, девушка впервые, наверное, за все лето распустила волосы и из-за этого чувствовала себя немного скованно.

Обычно на тренировках и прогулках она туго стягивала их в плотный хвост или заплетала в жесткую косу, чтобы пряди

не лезли в глаза и не мешали при беге. Но сейчас влажные волосы тяжелой волной упали на плечи и спину. Консервативные установки мамы давали о себе знать даже за несколько сотен километров от дома. Та всегда твердила, что ходить с распущенными волосами на улице — это непрактично, неаккуратно и привлечет ненужное внимание. Алёна поправила прядь у виска, замялась перед зеркалом, помешкала секунду, потянувшись к резинке, но потом решительно опустила руку. Лето же. Здесь нет мамы, и можно хотя бы раз пройтись так, как хочется ей самой.

Она вышла из корпуса с ноющей тоской и пошла вдоль леса до магазина в надежде встретить ребят. А если быть честной, то его.

Гравий слегка похрустывал под подошвами кроссовок. На базе было тихо: большинство спортсменов после двух тяжелых тренировок уже отдыхали в коттеджах или сидели на балконах, лениво переговариваясь. Алёна прошла мимо пустующего стартового городка, мимо запертых сервис-домиков и вышла на широкую грунтовку, огибающую территорию комплекса.

Ей хотелось снова видеть его глаза. Черные, абсолютно темные глаза. Желательно, чтобы они, как в прошлый раз, смотрели только на нее. И его улыбку, она хотела видеть, как парень улыбается, потому что, казалось, делает он это необыкновенно.

Этот его утренний взгляд, перехваченный на собрании, не

выходил у нее из головы весь день. А когда он улыбался, его лицо по-настоящему менялось на теплое и доброе.

Ну, а пока на горизонте никого не было, она шла и наслаждалась июльским закатным солнцем и тёплым вечером.

Воздух был легким и сладостным. С лесных обочин пахло дикой земляникой, смолой и подсохшим мхом. Солнце, опускаясь всё ниже к кронам деревьев, окрашивало все вокруг в сочные золотисто-янтарные тона. Длинные тени от сосен пересекали дорогу темными ровными полосами.

Дорога плавно пошла в подъем.

Преодолев его, дорога вышла на поле, где была обнаружена россыпь ромашек. Около любого цветочного магазина в Москве, когда ее подруга видела в блестящей Витри не ромашки, она хватала Алёну за рукав и привизгивая и подпрыгивая, показывала, какие они красивые.

Огромное, ничем не огороженное поле простиралось вправо от лесного массива. Среди высокой зеленой травы белели сотни мелких и крупных цветов, колышущихся от едва заметного ветерка. Они выглядели настолько свежими и яркими на фоне заходящего солнца, что Алёна невольно остановилась у самого края моря травы.

"Как жаль, что их нельзя отправить Санечке".

Мысль была простой и немного наивной. Сашка сейчас сидела в месте, где из зелени были только чахлые газоны во дворах, и явно скучала по нормальной природе. Алёна достала телефон, присела на корточки у самого края травы, пой-

мала лучший ракурс, чтобы в кадр попало и солнце, уходящее за лесную полосу, и белое море цветов.

Она скинула фото в чат с подругой, надеясь, что той понравится хотя бы их фотография, после чего сорвала самую на ее взгляд симметричную и заправила за ухо вместе с прядью волос.

Она поднялась, встряхнула распущенными волосами и на секунду замерла, прислушиваясь. Телефон в кармане вибрировать не спешил — в этом месте сеть ловила с переменным успехом, и сообщение Саше, скорее всего, зависло в отправке.

В надежде найти своих она пребывала на протяжении всего пути — километра три, не меньше. Однако каждый раз натываясь на данную мысль в своей голове, старательно отгоняла ее, опираясь на то, что идёт исключительно для себя и гуляет только для себя.

Дорога вилась дальше, огибая поле и постепенно приближая ее к окраине небольшой деревни, примыкавшей к спортивному комплексу. Никаких следов ребят по-прежнему не было видно. Время от времени мимо проезжали редкие старые машины местной сборки, подняв небольшие клубы серой сухой пыли, которая потом долго оседала на лопухи.

Впереди показались первые деревянные заборы и аккуратные палисадники.

Мальчик с бабушкой жгли что-то на костре около дома. Солнце заливало все вокруг безжалостно, постепенно бли-

зясь к заходу. Хотелось запомнить, навсегда оставить этот вид у себя на сетчатке и никогда больше не думать ни о чем кроме этого вида, этого солнца, этого лета. Деревня, шедшая сразу за полем напоминала открыточную картинку с почты на первой или яблочный спас.

В воздухе пахло дымком от сухих яблоневых веток, спелой душицей и разогретой на солнце дощатой обшивки старых изб. Маленький мальчишка в синих шортах с увлечением подбрасывал в свой костер сухие прутья, а старик в кепке и засаленном жилете спокойно наблюдал за ним, опираясь на грабли.

Она обогнула крайний дом с пышным кустом сирени у ворот и вышла к небольшому деревенскому магазину — одноэтажному кирпичному зданию с синей вывеской «Продукты» и широким деревянным крыльцом.

Ребят она встретила курящими на лавочке у магазина.

Паша и Кирилл сидели на низком деревянном скамейке под раскидистой березой у самого входа. Они выглядели расслабленными после тренировочного дня: в легких футболках, шортах и шлепанцах на босу ногу. В руках у каждого тлела сигарета, а тонкая струйка сизого дыма медленно поднималась к листьям березы.

Алёна замедлила шаг и поморщилась, пытаясь скрыть радость от того, что все-таки нашла их.

— Опять вы эти свои курите. Фу.

— Сама ты фу, — улыбнулся Паша, поворачивая к ней

голову и стряхивая пепел щелчком пальца, — а сигареты это зависимость.

Паша улыбался своей обычной, чуть ироничной и легкой улыбкой. На нем была темная майка, открывавшая загорелые плечи, а светлые волосы были слегка взъерошены после душа.

— Ой, ну, кошмар, меня довели девочки из вашей команды, сумасшедшие, — Начал причитать Кирилл.

Юноша живописно взмахнул рукой, явно готовясь выдать очередную длинную тираду. Кирилл вообще любил драматизировать любые мелочи — будь то пролитый чай или не вовремя закончившийся хлеб в столовой.

— Какие еще сумасшедшие? — Алёна подошла ближе и встала напротив них, сложив руки на груди. Ромашка за ее ухом чуть качнулась. — Отличные у нас девчонки. Ты просто общаться с ними не умеешь.

Девушка убеждала друга, что их девочки самые обычные и очень даже классные, к тому же просто подростки, тем временем, думая, может ли одна из них нравиться Паше. Вполне. Легко.

Юноша был парнем заметным: симпатичный, с хорошим чувством юмора, спортивный и всегда державшийся очень естественно и просто. Каждая вторая девчонка из их сборной хотя бы раз однозначно пыталась привлечь его внимание — кто-то шутками на тренировке, кто-то просьбами помочь настроить крепления на роллерах. И Алёна невольно пойма-

ла себя на мысли: а вдруг кто-то из них реально зацепила его за эти дни? Вдруг он не просто так сидит тут и молча слушает глупости Кирилла?

— Да ну они вообще у вас всё какие-то несуразные... — не унимался Кирилл, махнув сигаретой в сторону базы. — То орут на весь корпус, то в коридоре с водой гоняются, как маленькие...

— Хватит, — оборвал Паша, — Заканчивайте этот разговор.

Голос его прозвучал неожиданно сухо и твердо. Он потушил сигаретный окурочок о край металлической урны и бросил его внутрь.

Было видно, что ему неприятно слушать это обсуждение. Одно из двух: либо хорошее воспитание, либо одна из обсуждаемых ему нравилась. Подумала девушка и мысленно дала себе пощёчину за то, что это не ее дело. Хотя от мысли о том, что ему нравится кто-то из команды стало тоскливо.

В груди на секунду образовался холодный, неприятный комочек. Алёна переступила с ноги на ногу, пытаясь согнать это дурацкое ощущение. Какая разница? В конце концов, они просто друзья, партнеры по сборной, пришли до магазина в теплый июльский вечер. Не нужно придумывать то, чего нет, и забивать себе голову лишними драмами.

Паша поднялся с лавочки, поправил шорты и посмотрел на Алёну, смерив взглядом ее распущенные волосы и цветок за ухом. В его глазах мелькнуло легкое удивление, но он ни-

чего не сказал по этому поводу.

— Пойдёмте до дальнего магазина.

— В дальний? Зачем? — удивленно переспросил друг, поднимаясь вслед за ним. — Этот же работает.

— В том мороженое нормальное завезли, фисташковое, — Ответил тот. — Да и пройтись надо, ноги затекли сидеть. — Ну погнажи, чё, — пожал плечами блондин.

Они завернули за угол магазина и вышли на дорогу, ведущую прочь от деревни.

Дорога, уложенная бетонными плитами, уходила в стену леса, а дальше сворачивала левее и шла вдоль шоссе.

Шоссе было пустым и тихим. Старые бетонные плиты, уложенные еще лет тридцать назад, громко щелкали под подошвами кроссовок и тапок на каждом стыке. Справа монолитной стеной стоял темнеющий сосновый бор, от которого уже веяло прохладой и сырым мхом. Слева, за неглубоким кюветом, змеилась сухая асфальтовая нить автодороги, на которой лишь изредка пролетала одинокая машина, обдавая их шумом шин и исчезая за поворотом.

Алёна шла посередине — между ребятами.

Вечер окончательно осел на край.

— Ален, а ты чего волосы распустила? — вдруг спросил Кирилл, перепрыгивая через стык плит. — Тебе идет, кстати. Не как обычно на тренировке — как медуза с косой.

— Сам ты медуза, Кирик, — улыбнулась она ему саркастично, поправляя прядь рукой. — Просто душ приняла, за-

вязывать лень было.

— Нормально выглядит, — спокойно и негромко произнес Паша, не поворачивая головы, но чуть улыбнувшись краем губ.

Она ничего не ответила, лишь крепче сжала пальцы в карманах штанов и прибавила шагу.

Глава 8. Штурмовики печени.

Сухая хвоя, занесенная ветром на стыки плит, хрустела под подошвами кроссовок. Алёна шла рядом с Пашей и Кириллом. Кирик, двигался с привычной размашистой легкостью, время от времени подбрасывая на ладони мелкую сосновую шишку. Паша держался чуть правее, брякая ключами в кармане. В его движениях не было ни суеты, ни лишнего шума — он просто держал общий темп, мерно и спокойно наступая на серые стыки плит.

— Ален, ты же в городе весь год просидела? — спросил Кирилл, перебрасывая камушек из руки в руку. — Мы с пацанами смотрели протоколы зимней области, тебя там вроде не было.

— Не было, — честно ответила Алёна, заправляя выбившуюся прядь за ухо. — Учеба накрыла, да и в районе нормальной трассы нет, чтобы по вечерам бегать. Так, для себя иногда выходила в парк, но это не тренировки, а так, баловство. — Она не любила это объяснять, потому что каждый раз чувствовала себя слабачкой. Неспособной взять себя в руки и после пар пойти на тренировку. Даже осознавая собственную нагрузку. Не могла простить не день, а невозможность вписаться в собственный график. Не любила это объяснять. Это каждый раз выглядело как оправдание.

— Ничего, на сборах быстро втянешься, — успокоил по-

ток дурацких мыслей Кирилл. — Глебыч объемы поставил жесткие, за две недели все в норму придем. Мы вот с братом мелким тоже зимой времени не теряли.

— На лыжах пахали?

— Не только, — хмыкнул Кирилл. — Мы с Никитой заново футбольную секцию открыли у себя во дворе. Когда снег выпадал не слишком густой, чистили площадку коробки и чеканили по два часа каждый вечер. Фигурку отрабатывали, пасы в касание. Соседи из окон орали, что мы нормальным людям спать не даем. Зато весной на городском турнире за школьную сборную сыграли — нас сразу в городскую команду забрали. Теперь по выходным иногда за них выступаем, когда сборов нет.

— Клево, — искренне сказала Алёна.

— А брат как? — Она помнила Никиту ещё когда парню было лет пять и мама привела его впервые к брату на тренировку. Маленький мальчик, окутанный в пуховик, шарф и шапку смотрел на все чистыми, ясными глазами.

— Да нормально, растёт. Скоро меня по росту догонит, — засмеялся Кирилл. — Уже тридцать шесть подтягивается.

Алёна повернула голову к Паше. Он просто шел рядом, слушая их разговор и глядя себе под ноги. — Паш, а ты чем занимался весь этот год? — спросила она.

Паша мельком взглянул на нее своими темными глазами, сунул руки глубже в карманы и чуть пожал плечами.

— Да работал в основном. Учился, на тренировки ходил

к себе в секцию. Ну и железом немного занимался. А под конец весны вот машину себе взял.

— Серьезно? — удивился Кирилл, притормаживая. — Какую?

— Ауди двухтысячного пятого года. Старенькая, конечно, седан. Взял у соседа по гаражу за копейки, она полтора года на приколе стояла с пробитой прокладкой. Мы с дядей в мае ее полностью перебрали: подвеску поменяли, движок перетряхнули, пороги переварили. Зато теперь на ходу. Сам до базы на ней доехал.

— О как, — кивнул Кирилл с уважением. — Своя тачка — это вещь. На тренировки удобнее ездить, чем на автобусах с чехлами таскаться.

— Удобнее, — спокойно согласился Паша. — Только бензин ест прилично. Зато разгоняется ровно. Они прошли еще метров двести по бетонке. Дорога сделала плавный поворот, огибая густой участок ельника.

Впереди, метрах в пятидесяти от них, прямо у края шоссе стоял небольшой деревянный ларек с выцветшей синей вывеской «Минутка». Из приоткрытого окошка светила одинокая тусклая лампочка. Подходя к нему ребята слышали шум. Затем чей-то торопливый ругательский возглас и звонкий дребезг колокольчика над входом.

Дверь магазина резко распахнулась и оттуда со свистом вылетели Дима и Даня, ребята из команды на пару лет младше.

Они выскочили на бетонку, едва не перевернув стоящую у входа мусорную урну, и сильно ускорились. Дима — высокий brunet с яркими зелеными глазами и длинными ногами — бежал первым, судорожно прижимая к боку спортивную сумку через плечо. За ним, немного отставая и тяжело дыша, поспешал Даня — темноволосый парень с карими глазами, отличавшийся обычно спокойным и добродушным нравом. Последний обернулся и толкнул друга, показывая пальцем в сторону ребят.

— Вы чего? Что случилось? И почему так дышите? — Начал расспрашивать Кирилл, когда они подошли ближе.

Дима попытался быстро смахнуть пот со лба и изобразить на лице фирменную загадочную улыбку.

Даня молча открыл Димину сумку и показал огромную пачку шоколадного печенья.

Пачка была действительно гигантской — килограммовая упаковка в яркой обертке, с картинкой истекающих глазурью печений. Как она вообще поместилась в небольшую сумку, оставалось загадкой.

— Да ладно, вы что, дурни совсем?! — С лёгким возмущением уточнила Алена, переглянувшись с Пашей. — Вы его сперли, что ли?

Парни ничего не ответили, лишь кивнув головой в сторону дороги к дальнему магазину.

— Да никто ничего не пер! — наконец подал голос Дима, суетливо застегивая молнию на сумке и стреляя своими

зелеными глазами по сторонам. — Мы зашли ээээ... Энергетиков купить, а там продавщица на склад ушла. На кассе эта пачка лежала, а рядом ценника нет. Ну я Дане говорю: «Смотри, рекламная акция!». Мы деньги на кассу положили — честно, сотку бросили! — а она как выскочит из подсобки да как заорет, что это заказ чьего-то местного! Мы и дали деру.

— Сотку за килограмм импортного печенья? — ухмыльнулся Кирилл. — Ну вы гиганты мысли. Она за вами не бежит хоть?

— Не, куда ей, — махнул рукой Даня, восстанавливая дыхание и виновато улыбаясь. — Она только шваброй вослед помахала.

— Ладно, погнали быстрее, пока она Борису Глебовичу не позвонила, — сказал Паша, делая шаг вперед и увлекая всю компанию дальше по дороге. Младшие быстро пристроились к ним.

Огромная пачка печенья теперь перекочевала в руки Кирилла, который тут же надорвал край обертки и попробовал содержимое на вкус. Шоколадное печенье оказалось свежим и хрустящим. Ребята шагали по плитам, на ходу уплетая сладости и запивая их прохладным вечерним воздухом.

— Дань, а ты как вообще до сборов доехал? — спросила Алёна, поворачиваясь к кареглазому парню. — Слышала, ты в марте на республиканских соревнованиях всех уделал?

Даня смущенно улыбнулся, доедая печенье, и чуть пожал

плечами:

— Ну, не всех... В Йошкар-Оле гонка была, да. Пятнашка свободным стилем по рельефу.

— Не скромничай! — вмешался Кирилл. — Первое место взял с привозом в тридцать секунд! Я протоколы видел. На втором круге всем такое устроил.

— Да просто лыжи попали в мазь хорошо, — спокойно ответил Даня. — Погода сырая была, плюс один, каша на трассе. У нас смазчик местный парафин угадал идеально. Я на спуске после третьей петли от группы оторвался и просто ритм держал до финиша. Главное было на подъеме перед финишем не выдохнуться.

— Красава, я же говорил. — коротко кивнул Паша.

— Медаль красивую дали и кубок. На полку поставил.

В этот момент в разговор привычно вклинился Дима. Димка не мог долго оставаться в тени чужих спортивных успехов — ему жизненно необходимо было выдать собственную историю, да поярче.

— Подумаешь, Йошкар-Ола! — заявил он, гордо расправив плечи и взъерошив темные волосы. — Вот мы с дядей в июне в Мурманск ездили. Настоящий север, пацаны. Вы там вообще не были, наверное.

— В Мурманске? — прищурился Кирилл, с трудом сдерживая улыбку.

— И чего вы там делали?

— На рыбалку ходили! — вдохновенно начал травить Ди-

ма, активно жестикулируя длинными руками. Его зеленые глаза азартно блестели. — Выходим мы, значит, в Баренцево море. На барже. Огромная такая железная баржа, метров пятьдесят в длину, на ней еще краны стоят грузовые. Погода — шторм четыре балла! Волны с трехэтажный дом, забор за бортом трещит! Все боцманы на палубе лежат, их тошнит, качает... А мы с дядей стоим у кормы, держим тресковые донки. И тут как клюнет!

— Кто клюнул? — с совершенно серьезным лицом спросила Алёна, хотя внутри у нее уже все ходило ходуном от смеха.

— Треска! Килограммов на сорок пять, не меньше! — без зазрения совести выдал Димка. — Мы ее втроем тащили через борт. Чешуя с кулак, глаза как блюдца! Я леску руками держал, у меня даже шрамы остались, вот! Он ткнул в сторону ребят совершенно чистой, ровной ладонью без единого следа.

- Точно треска?

Алёна переглянулась с Пашей. Паша чуть заметно качнул головой и слегка прикусил нижнюю губу, чтобы не хрюкнуть от смеха. Кирилл пародийно кивал с глубокомысленным видом, а Даня только тихо вздыхал, прекрасно зная эту особенность своего друга. — На сорок пять кило? — переспросил Кирик. — Димка, да это же почти вес нашего Миши! Вы что, Мишу на крючок поймали?

— Да вы не верите, что ли?! — ничуть не смутился Дима,

продолжая гнуть свою линию. — Я вам говорю, на севере треска гигантская водится! Нам потом капитана баржи сам лично грамоту вручил и ухой из этой рыбы всю команду три дня кормили!

— Верим, Дим, верим, — ласково сказала Алёна, похлопав его по плечу. — Вот! Хотя Алена понимает! — обрадовался Димка, совершенно не замечая, как вся компания молча помирает от смеха за его спиной. Никто не собирался стыдить Димку за его небылицы. В этом и заключалась прелесть их команды: каждый знал тараканов друг друга, но никто не злобствовал. Все принимали Димкины сказки как естественную часть вечера, легкую приправу к этой долгой прогулке.

Солнце окончательно село за дальний хребет. Лес вокруг погрузился в синие, бархатные сумерки. Воздух стал прохладным, чистым и невероятно свежим.

Впереди наконец показались огни дальнего магазина. Желтый свет из его больших окон ярко заливал асфальтированную площадку перед входом.

— Ну что, штурмовики печенья, — сказал Паша, останавливаясь у подножия крыльца и смотря на младших. — В этот магазин заходим нормально.

— Да мы чё, мы нормально, — пробормотал Димка, пряча пустую упаковку из-под печенья в урну. Они всей толпой поднялись по широким деревянным ступеням. Тяжелая дверь с тихим скрипом отворилась, впуская их в теплое,

светлое помещение, где пахло свежей выпечкой и замороженными ягодами.

Глава 9. Лаки Страйк.

— Алёна! — громкий крик откуда-то с холма заставил ее вздрогнуть, — иди к нам! Она остановилась на середине дорожки и подняла голову. Голос донесся со стороны длинного травяного подъема, который начинался за мостом и уходил к крупной гостинице. В вечернем воздухе слова немного исказились, и сначала Алёна не поняла, кто именно ее зовет. Андрей. И Паша там. Это он кричал? Девушка на секунду задержала взгляд на темной фигуре у самого края холма. Но фигура повернулась боком, и стало ясно: кричал Андрей. Алёна сменила курс и направилась через траву на подъем. Трава доходила до колен, цеплялась за голые щиколотки и оставляла на коже холодные капли вечерней росы. После дневной жары земля уже остывала, и от склона тянуло мятой, полынью и чем-то влажным. Стадион остался позади. Его огни пока не включили, поэтому дорожка к холму с каждой минутой становилась темнее. На вершине расположилась небольшая компания. Андрей сидел на перевернутом пластиковом ящике и размахивал руками, Витя лежал на траве, прикрыв лицо кепкой, а Паша стоял чуть в стороне, опираясь плечом на старый деревянный столб. Рядом с ним на траве лежали спортивная сумка и бутылка воды. Кирилл сидел ближе к уступу подъема, вытянув ноги и держа в руках телефон. Он что-то показывал Андрею, но тут же

поднял голову, заметив Алёну. — Кошмар, — начала разгла-
гольствования она им сразу, только подойдя, — Вова — злая
пенсия, наехал на меня, сказал к нему не подходить. Что с
ним? Она сбросила с плеча легкую кофту и бросила ее рядом
с Кириллом. После подъема стало жарко, хотя воздух уже
успел остыть. — Бог знает, обиженка, у него такое бывает,
— Павел махнул на образ друга в своем воображении рукой.
— Можно вообще начать его кошмарить так, что он разго-
варивать перестанет. И залился смехом. Алёна посмотрела
на него и на секунду забыла, что собиралась еще что-то ска-
зать. Какая же у него красивая улыбка. Паша смеялся не так,
как большинство ребят. Не громко, не пытаюсь привлечь к
себе внимание. Просто на несколько секунд переставал быть
серьезным и закрытым. Его взгляд становился мягче, а уголки
губ поднимались так легко, будто улыбка сама находила
дорогу наружу. — Да он не обиженка, а человек сложный,
— вмешался Андрей. — Вова с утра просыпается уже устав-
шим от людей. Особенно от нас. — Неправда, — возразил
Кирилл, не отрываясь от телефона. — Он просто бережет
внутреннюю энергию. — Это называется занудство, — ска-
зал Андрей. — Это называется зрелость, — спокойно уточ-
нила Алёна. — Спасибо, Алёнка, — крикнул Вадим с травы.
— Хоть кто-то его защищает. — Я вообще-то пошутила. —
Поздно, слово сказано, теперь ты ответственная за Вову. Ре-
бята засмеялись. Паша снова посмотрел на Алёну, и она за-
метила, что его улыбка не исчезла полностью. — Так, Алён-

ка, смотри, я обещал показать, — Кирилл помахал включенным экраном телефона перед глазами, возвращая ее в реальность, а когда завладел вниманием, начал показывать фотографии с прошедших спортивных сборов. — Вся во внимание, показывай. Кирилл придвинулся ближе и открыл галерею. Первой фотографией оказался снимок, где вся команда стояла на финише после тяжелой тренировки. У всех были красные лица, мокрые футболки и одинаково недовольные выражения. — Вот это после имитации, — объяснил Кирилл. — Мы тогда думали, что Глебыч нас убить решил. А потом оказалось, что это только разминка. — Ты тут как будто плакал, — заметил Андрей. — Я не плакал. Мне в глаз мошка попала. — На трех фотографиях подряд? — Она была очень настойчивая. В своей манерности Кириллу не было равных, и некие женственные черты поведения добавляли юноше какой-то особенной утонченности. Блондин экспрессивно взмахивал руками, повышал голос на несколько тонов за раз, а, увидев что-то милое, мог даже заплакать. И это делало его желанным объектом для общения. Он мог за несколько минут превратить обычный рассказ о тренировке в сцену из спектакля. Показать, как Андрей упал в лужу, изобразить выражение лица тренера, когда Витя опоздал на старт, или с абсолютной серьезностью сообщить, что однажды видел в лесу белку, которая «смотрела на него с осуждением». Но что сильно радовало Алёну, Кирилл всегда выбирал ее. Как друга, естественно. Между общением с девочка-

ми из команды и ней — всегда выбирал общение с ней. Конечно, это вызывало вопросы. Вызывало негодование. Девчонки могли окликнуть его, позвать к себе, предложить посмотреть новые фотографии или обсудить кого-то из парней, но Кирилл почти всегда садился рядом с Алёной. И на любые зазывания в свою компанию всегда молча разворачивался и шел за подругой. Это льстило. Они были друзьями, и все это знали. Алёна не пыталась объяснять их отношения. В этом не было необходимости. Кирилл мог положить голову ей на плечо, приобнять на фотографии, и никто не воспринимал это как что-то странное. Он был своеобразным младшим братом, на четыре года младше, таким близким человеком, с которым можно было не следить за словами и не думать, как выглядишь со стороны. За просмотром фотографий и видео со смеющимися ребятами-спортсменами они не замечали, как потихоньку пролетал вечер. Солнце село, схлодало, а комары появлялись все чаще, и Андрей начал отмахиваться от них кепкой. — Это уже не комары, а полноценная команда, — пожаловался он. — Сейчас начнут разминку проводить. — Не маши руками, они подумают, что ты их приглашаешь, — сказал Кирилл. — Кирилл, ты сегодня особенно раздражающий. — Спасибо, я старался. — С улыбкой отозвался блондин. В окнах корпусов включались огни. Сначала загорелись два окна на первом этаже, затем желтый свет появился в комнатах второго. Со стороны деревни стали виднеться столбы дыма. Где-то топили баню, где-то жгли

мусор, а над крышами медленно поднимался вечерний туман. Громкий смех раздавался на мосту, и его точно было слышно в радиусе двух близлежащих подъемов. Андрей пересказывал историю о том, как Миша утром перепутал спортивные напитки и выпил воду для промывки велосипедной цепи. История была явно преувеличена, но Миша в тот момент как раз проходил по мосту и крикнул, что всем сейчас непоздоровится — Ты вообще зачем это рассказываешь? — спросил он, остановившись внизу. — Чтобы люди знали правду. — Это не правда! — Тем более надо рассказать, пока не забыл. Миша поднял с земли маленький камень и сделал вид, что собирается бросить его в Андрея. Компания снова засмеялась. Даже Паша коротко усмехнулся, хотя продолжал держаться в стороне. Черная пара глаз внимательно следила за Алёной. Она почувствовала этот взгляд не сразу. Сначала просто поймала себя на том, что Паша уже несколько минут не смотрит на телефон и не слушает спор Андрея с Мишей. Он смотрел на нее. Не так пристально, как на первом собрании, но достаточно внимательно, чтобы она не могла делать вид, будто не замечает. Алёна слегка повернула голову. Их взгляды встретились. На несколько секунд вокруг будто стало тише. Хотя рядом продолжали спорить, шелестела трава и гудели комары, она слышала только собственное дыхание. Чтобы не оставаться в этом молчании, Алёна вспомнила о пачке сигарет, которую заметила в его руке еще на дороге несколько суток назад. — А вы, кстати, знаете о счастливой

сигарете? Дай свою пачку, — она протянула руку Паше. Он посмотрел на нее с сомнением. — Да не бойся, я их тебе верну. Честно. Паша медленно достал из кармана шорт пачку сигарет и вложил ее Алёне в руку. Перестал сводить с нее взгляд. Кирилл с Андреем внимательно смотрели за пачкой сигарет в женских руках, а Паша с Алёной неотрывно смотрели друг другу в глаза. — Есть легенда, — начала рассказ девушка. — Когда США вели войну с Японией, солдаты армии Японии начали вычислять пути американцев по маркировке на фильтрах сигарет «Lucky Strike». Тогда американцы стали переворачивать сигареты. Сжигать фильтр. А сигарету скуривать уже после. Она достала правую верхнюю сигарету из пачки и, перевернув, поставила на место. — Вот так вот, — Алёна показала, что делает с пачкой, неотрывно глядя в черную бездну. — Открывая новую пачку, самую правую первую верхнюю сигарету нужно достать, перевернуть и поставить на место. Курить ее последней, загадав желание. Главное никому не рассказывать. Паша слушал очень внимательно. Его взгляд стал тяжелее, но Алёна не могла понять, что именно он чувствует: удивление, недоверие или просто интерес. — А если кто-то уже знает мое желание? — спросил он. — Тогда это не сработает. — А если не расскажу никому? — Тогда, может быть, повезет. — И ты сама в это веришь? — Конечно, — уверенно сказала Алёна. — Я же не стала бы придумывать такую сложную историю просто так. Вадим громко фыркнул. — Алён, ты сейчас серьезно? Ты

сама эту легенду придумала пять минут назад. — Неправда. Я прочитала ее в интернете. — Когда? — Давно. — А почему тогда я ее не знаю? — Потому что ты не интересуешься важными вещами. Андрей рассмеялся, а Паша впервые сам отвел взгляд. Он посмотрел на пачку, затем снова на Алёну. — Ладно. Буду знать. И Алёна вернула пачку в руки другу. Парни поочередно вышли из туманного ступора. Кирилл первым протянул руку к Паше: — Дай посмотреть, где там счастье спрятано. — Нет, — Паша убрал пачку в карман. — Почему? — Желание загадаю. — Уже придумал? — Да. Ответ прозвучал так быстро, что Алёна на мгновение перестала улыбаться. Она посмотрела на него, пытаясь понять, говорил ли он серьезно. Паша не объяснил. Только чуть заметно улыбнулся, и снова в его лице появилось то выражение, от которого она терялась. — Ого, — протянул Андрей. — Новенький тако-ой загадочный. Всё, Кирик, у тебя появился конкурент. — В чем? В молчании? — В загадочности. — Я не загадочный. Я просто не люблю много говорить. — Это одно и то же, — решила Алёна. Паша повернул голову к ней. — А ты много говоришь? — Я? Нет. Кирилл и Андрей одновременно расхохотались.

— Я вообще молчаливая, — Алёна попыталась сохранить серьезное лицо, но не выдержала и засмеялась вместе со всеми. Внизу, у корпуса, несколько раз мигнул свет. Борис Глебович, вероятно, уже начинал искать тех, кто не вернулся к назначенному времени на собрание. — Так, нам пора, —

сказал Кирилл, убирая телефон в карман. — А то Глебыч устроит экскурсию по всему лесу, но уже с фонариками. — И Вову позвать, — добавил Андрей. — Он умеет находить потерявшихся по запаху раздражения. Ребята начали подниматься. Алёна стряхнула с брюк сухие травинки, поправила волосы и последней пошла к спуску. Паша оказался рядом. Несколько шагов они прошли молча. — Ты правда загадаешь желание? — спросила Алёна. — Возможно. — А если не сбудется? — Проверю другое. — А первое какое? Паша посмотрел на нее. В сумерках его глаза казались еще темнее. — Не скажу. Главное никому не рассказывать. Он произнес это почти теми же словами, которые сказала она сама. Алёна улыбнулась и отвернулась, чтобы никто не увидел, как она снова покраснела. С холма они спускались всей компанией. Глебыч разогрел чайник на общей кухне, где на ежедневное вечернее собрание уже подошли все ребята. Сонные и уставшие. Помятые и голодные. Готовые идти чистить зубы и падать по кроватям. Девочки казались ей чем-то особенно обеспокоенными.

— А почему Вова на тебя разозлился? — Спросил Юровский, аккуратно подтолкнув плечом.

— Нуу..

Глава 10. Злая пенсия.

— Доброе утро!

Солнце встало уже давно и безжалостно палило в глаз прямо через оконное стекло. В комнате на втором этаже коттеджа стояла душная, сухая жара, пропитанная запахом согретой сосновой вагонки. Ева тоже встала достаточно давно (зачем — непонятно, если учитывать, что зарядка в 7:20). Девчонка прыгнула на одеяло прямо поверх ног Алёны.

— Ай, больно, чучело. Ты чего делаешь?! — зарычала Алёна, судорожно выдергивая затекшие за ночь ноги из-под тяжелой тушки подруги.

— Вставай! — Девушка с черными волосами трясла ее за плечи, нависая сверху с абсолютно бодрым и свежим видом. — Подъем. Зарядка через полчаса.

Весёлый тон отвратительно отдавался в уставшей тяжёлой голове. Алёна как будто не спала вовсе. Вчерашний кросс-поход по холмам и поздние посиделки на уступе давали о себе знать: мышцы затекли, а глаза слипались так, будто в них насыпали сухого мелкого песка.

«В душ. Надо в душ».

Спускаясь вниз по лестнице со второго этажа до общего женского душа, она поймала себя на мысли, что было бы неплохо взять хотя бы один выходной день, раз уж она не имеет сейчас такого уровня подготовки, как у подростков из

ее команды. Ступени деревянной лестницы тихо поскрипывали под ее неверными шагами. Внизу, в узком коридорчике первого этажа, уже пахло чужим шампунем и зубной пастой. Девчонки из младшей группы суестились у большого зеркала, наперебой разбирая расчески и полотенца. Алёна закрылась в маленькой душевой кабинке и включила воду. Теплая вода смывала туманность сознания, но не усталость. Тяжесть в икрах и бедрах никуда не уходила — мышцы просто задеревенели от непривычной ежедневной работы.

«Надо бы завесить окна шторами-покрывалами, а то так невыносимо спать».

Завтра же придется придумать какую-то конструкцию из покрывала и зажимов для бумаг, иначе это палящее июльское солнце так и будет поднимать ее в пять утра. Одевшись в легкие беговые шорты и растянутую майку, Алёна вытолкнула тяжелую входную дверь коттеджа и вышла на крыльцо. Холодный утренний воздух вкупе с сырой росой заставил проснуться насильно. Запах хвои растворил вчерашние переживания по поводу матери и принадлежности ко всему человеческому. Солнце ясно проступало меж еловых веток, отбрасывая на поросшую мхом землю длинные полосы золотистого света. На асфальтовой дорожке у главного корпуса уже собирался народ. Ребята лениво потягивались, крутили головами и негромко переговаривались. Даня с Андреем радостно с ней поздоровались.

— О, живая! — крикнул Андрей, подпрыгивая на месте

и разминая стопы. — А мы думали, тебя Ева там подушкой задушила.

— Была близка к этому, — пробормотала Алёна, но уголки губ сами ползли вверх. Утренний лесной воздух действительно возвращал способность мыслить.

— Погнали на круг, Глебыч уже с секундомером стоит! — скомандовал Даня, и группа легким трусцой направилась в сторону стадиона.

Пробегая мимо городка, она почувствовала толчок в спину от того, что Ева прыгнула сзади, опираясь на ее плечи.

— Ева, блин! Я сейчас с копыт свалюсь! — гаркнула Алёна, но сбросить девчонку не успела — черноволосая хохоча прыгнула сама и легко ушла вперед по опилочной дорожке.

Зарядка прошла в привычном полусонном ритме: три круга по стадиону, растяжка на гаревой дорожке и короткая серия махов. После этого был быстрый завтрак в столовой — рисовая каша с маслом, вареное яйцо и сладкий чай из большого алюминиевого бака.

Однако к полудню от утренней прохлады не осталось и следа. Дневная тренировка выдалась такой же несомненно жаркой и потной. К двенадцати часам солнце встало прямо над стадионом, раскалив асфальт и превратив грунтовые лесные дороги в сухую пыльную гребенку. Воздух висел густым, горячим маревом. Борис Глебович выстроил команду у стартового городка. На нем была светлая панама и неизменный секундомер на шее.

— Так, спортсмены, — громко объявил тренер, сверяясь с планшетом. — Сегодня работаем на выносливость. Задание: бег в среднем темпе двадцать километров по пересеченной местности. Работаем по дальнему пятикилометровому кругу. Четыре круга. Пульс держим в районе сорока-пятидесяти ударов от максимума, на подъемах не закисяемся, работаем ногами. Все всё поняли? Марш на старт.

Двадцать километров по жаре и рельефу — задание тяжелое даже для основного состава, а для Алёны с ее годичным перерывом это прозвучало как приговор. Но отказываться или просить снизить дистанцию было стыдно. Первый круг прошел относительно нормально. Алёна сразу взяла свой экономичный темп, пропускала вперед более сильных ребят и старалась просто ровно дышать.

Лесная дорога виляла между массивными соснами, то поднимаясь на песчаные холмы, то спускаясь к сырым оврагам.

К середине второго круга майка намокла полностью, а пыль от кроссовок забивалась в горло.

На третьем круге, когда ноги уже налились свинцом, а дыхание стало тяжелым и прерывистым, дорога вывела её на затяжной, узкий подъем, засыпанный мелким гравием и изрезанный сухими корнями деревьев. Здесь бежать было особенно трудно — стопы соскальзывали на сухой земле. На узком подъёме ее настигла на круг обогнавшая компания парней, которые тренировались в одном темпе.

Алёна слышала их еще снизу — ровный, мощный, синхронный топот шести пар кроссовок и четкое, ритмичное дыхание. Это шла лидерская группа мужской сборной.

Андрей, Дима, Даня, Кирилл, Вадим и Паша пробежали мимо, молча, спокойно, ничего не сказав.

Они двигались идеальным «паравозиком», держа дистанцию в полметра друг от друга. Паша бежал третьим — ровно, суховато, не делая ни одного лишнего движения и спокойно отрабатывая стопой каждый корень. Ребята прошли ее так легко и технично, будто бежали не пятнадцатый километр по раскаленному лесу, а вышли на легкую прогулку. Никто даже не повернул головы — все были сосредоточены на собственном темпе. Алёна вовремя взяла чуть правее, освобождая узкую тропинку для лидирующей группы.

Но Вова, бежавший последним, вдруг при обгоне задел Алёну плечом. Удар получился не случайным — толчок был резким, ощутимым, и Алёна едва не потеряла равновесие на сыпучем песке, едва успев подставить ногу, чтобы не вылететь в кусты шиповника. Вова притормозил, обернулся и сказал:

— Что ты отойти не могла? Не видишь, я обгоняю.

Алёна остановилась прямо посреди подъема, тяжело дыша и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. В груди моментально вспыхнула злость.

— Вов, ты чего? — выдохнула она, уставившись на него.

— А ничего, если ты бегаешь с темпом мелких девочек, дак хоть других за собой не задерживай, — отрезал Вова с явным раздражением в голосе, даже не думая извиняться.

Лицо у него было красным от жары и нагрузки, а в глазах читалась та самая застарелая, непонятная обида, которая копилась у него последние дни.

— А ты не обнаглел часом так со мной разговаривать?! — Девушка не выдержала такого хамства.

Ее голос прозвучал громко и звонко на весь тихий сосновый подъем. Вова на секунду замер, явно не ожидавший такого резкого отпора от обычно спокойной Алёны, пренебрежительно фыркнул, развернулся и бросил через плечо:

— И вообще не разговаривай со мной.

Он поддал газу, быстро догоняя ушедшую вперед группу парней. Алёна стояла на склоне, сжав кулаки. Дыхание сбилось окончательно, сердце колотилось где-то в горле, а к горлу подступил горячий комок досады. Ей хотелось крикнуть ему что-то вслед или просто бросить эту тренировку и уйти к коттеджам.

«Вот же злая пенсия, прав был Паша», — зло подумала она, утирая мокрый лоб.

Но бросать дистанцию на середине было нельзя. Доказать этому зануде, что она не тряпка, можно было только одним способом — добежать эти долбанные двадцать километров до конца. Алёна сделала два глубоких вдоха, заставляя пульс немного опуститься, подтянула шнурок на левом кроссовке

и снова побежала вверх по узкому песчаному подъему. Через сорок минут она пересекла финишную черту на стадионе. Двадцать километров были позади. Ноги гудели, майку можно было выжимать, но когда Борис Глебович зафиксировал ее время и коротко кивнул: «Молодец, Алёна, выдержала», — она поняла, что этот день прошел не напрасно. А Вова... Да Бог с ним, с Вовой. У каждого свои тараканы, особенно когда на улице плюс тридцать, а впереди еще целый месяц тренировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.